

Несколько штрихов из истории Дружины по охране природы биофака МГУ 1960-х годов.

Тишков А.А. 2010. Тишков А.А.

Мне, как вы понимаете, повезло – я из замечательного юннатского кружка при Московском Обществе Испытателей Природы (МОИП). Когда создавалась Дружина по охране природы биофака МГУ наш кружок в лице его одних из первых членов - Бори Гончарова, Алеши Гилярова и Геры Новикова были у ее истоков. Мало того, первое время, я помню, как Дружину ассоциировали и с другими московскими биологическими кружками. Руководитель нашего кружка МОИП Анна Петровна Разорёнова иногда даже говорила о шефстве студентов и членов Дружины над нашим кружком, а также над КЮБЗом и ВООПом. Боря, Алеша и Гера, а затем и Саша Сагайдачный, Маша Ланге, Саша Степанов, Алеша Троицкий помогали Анне Петровне, а вот Саша Агаджанян занимался КЮБЗом, активные дружинники Володя Арсеньев и Ася Авилова – ВООПом.

На «Ёлочной компании» 1966 года: Аркадий Тишков и Михаил Черняховский (главный по Киевскому вокзалу) остановили нарушителя с несколькими ёлками

Я пришел в кружок при МОИП (Зоомузей) в 1963 г., когда Дружина по охране природы делала свои первые шаги в делах практической охраны природы. МОИПовец Боря Горчаров после Евгения Сманцера был ее командиром. Как повествует хроника жизни Дружины на одном из заседаний

Штаба Дружины «шефство» над биологическими кружками и Олимпиада были кроме выездов по борьбе с браконьерством и операции «Ель» чуть ли не самым главным направлением ее работы в первые годы.

Крещение в Дружине я получил на елочной компании зимы 1965/1966 годов. Нас - Алешу Кочергина, Гену Мустафаева, Сашу Быкова, Валеру Орлова, меня и других МОИПовцев привезли наши старшие кружковцы (по моему, Саша Сагайдачный с Машей Ланге) на Киевский вокзал, где в итоге мы провели несколько дней - дежурили на платформе и привокзальной площади с милицией, ездили в разведку куда-то в сторону Апрелевки для охраны придорожных еловых посадок, охраняли конфискованные елки в штабе, который был создан в перекрытых дверных проемах выхода на платформу. Здесь мы вместе с милицией составляли протоколы и спали прямо на елках, если их не отвозили с накладными в Мосцветторг. Помню, вместе с Мустафой (Геней Мустафаевым) мы тормознули молоковоз, который при нас набивали срубленными в посадках елками, и успели сообщить о нем на ближайший пост ГАИ. Милиция искренне благодарила, потому что такого еще не было, и опыт оказался полезным для организованного на дорогах контроля.

Дальше было и участие в многочисленных выездах, и помощь в весенних рейдах по Москва-реке в черте столицы и даже присутствие на своеобразных инструктажах на Биофаке, которые проводили В.Н. Тихомиров и К.Н. Благодосклонов. На Москва-реке запомнились огромные подъемники на кронштейнах (до 4х4 м) с крупной ячеей. Такая браконьерская снасть применялась по мутной весенней воде в Филях, в устье Сетуни, на Воробьевых горах. Особых драк при изъятии не было, но и так просто ничего браконьеры не отдавали. Несколько серьезных потасовок запомнилось в те годы только во время рейдов на Птичьем рынке, да и то, связаны они были, на мой взгляд, с непониманием традиций московских птицеловов, которых к врагам природы ну никак нельзя было отнести. Конечно, полной удовлетворенности от изъятия стареньких дробовичков у местных жителей и вытаскивания их же сетей и верш из ближайшего к деревне водоема не было. Но случались и моменты истины, когда дружинникам удавалось остановить зарвавшихся браконьеров и начальников.

Зима и весна 1967 г. были отмечены несколькими поездками с Дружиной, в том числе далекими – в Кубинку, Виноградово и др. Мне тогда удалось вступить в Охотничье общество Биофака и зарегистрировать свою одностволку. Я стал считать себя полноправным Дружинником. Несомненно, ружье добавляла авторитета и уверенности. Но в тот год больше готовился к

поступлению на Биофак и ездил с Дружиной мало.

В 1967-1968 гг. я работал на Биофаке квалифицированным рабочим на Почвенном стационаре. Интересно, что на Биофаке после неудачного поступления работали и участвовали в деятельности Дружины ещё Миша Засыпкин, Коля Шилин, Юра Лихачев, Володя Федотенков. По просьбе К.Н. Благосклонова ежедневно в обеденное время по дорожкам Ботанического сада я делал учеты птиц. Сохранился пропуск, который мне на сезон 1967/1968 гг. для посещения Ботсада МГУ выписал В.Н. Тихомиров. Почти каждые выходные я участвовал в выездах Дружины. У ее руководства тогда стояли Дима Кавтарадзе и Коля Марфенин. Сережа Остроумов, Андрей Кубанин, Витя Зубакин, Андрюша Филимонов, Володя Деулин, Свет Забелин, Андрей Жуков, и члены дружины постарше в тот период активно участвовали в выездах и старались поставить эти дела на научную основу. Помню, я как младший член редколлегии «Советского биолога» по просьбе молодых сотрудников кафедры зоологии позвоночных Ю. Чугунова и В. Орлова писал заметки в стенгазету о выездах, а Вадик Смирин, как художник-оформитель двумя-тремя мазками акварели рисовал то тянущего вальдшнепа над березками, то удаляющихся кряковых над тростниками.

Сразу после поступления на Биофак в августе 1968 г. я оказался на Звенигородской биостанции, где К.Н. Благосклонов и Д. Кавтарадзе собрали первый слет молодежных природоохранных движений. У меня сохранилось несколько фотографий, на которых много узнаваемых людей. Гости были из Тарту во главе с Т. Фреем, из Казани, из Ленинграда и других городов. Было необычайно весело. Очень полезными были семинарские занятия, общение, экскурсии. Мы выпускали дружинную стенгазету «Папонт», в которой, кстати и появился впервые образ мамонта, нарисованный по моей просьбе Алексеем Гиляровым и в дальнейшем ставший эмблемой Дружины.

Наряду с костяком Дружины (теми ее членами, кто в это время не был в экспедиции) в слете участвовали и первокурсники – Коля Чернышов, Саша Белоусов, Паша Комаров, Лена Блюменталь, Коля Шилин и другие. Прямо с Биостанции мы съездили в рейд в охотхозяйство в Кубинку, где многие получили боевое крещение, т.к. за один выезд были изъяты у браконьеров несколько ружей, убитый лунь, составлены и переданы в инспекцию протоколы на нарушителей. Но, правда, пришлось нам оттуда удирать, так как нарушителями были в основном сами военные – летчики аэродрома в Кубинке и когда они поняли, что их остановили 18-летние студенты, то постарались организовать погоню и вернуть изъятое. По-моему, в тот выезд и инспекция встала на сторону браконьеров.

Осенью 1968 г. Всероссийское общество охраны природы передало в Дружину информацию о созданных в Подмосковье первых 8-ми заказников. В.Н. Тихомиров и старшекурсницы с кафедры высших растений нас собрали и предложили проверить насколько это правда, не на бумаге ли только эти заказники. Ведь еще сравнительно недавно, сначала И.В. Сталиным в начале 1950-х, позже и Н.С. Хрущевым в начале 1960-х были закрыты многие заповедники, в том числе и под Москвой (все участки б. Московского заповедника, кроме Приокско-террасного). А среди тех заказников, которые предполагалось обследовать, были - Глубоко-Истринский, Верхне-Москворецкий, Верхне-Клязьминский, Приволжско-Дубненский и другие, территории которых ранее (1951) были заповедными. Именно после этой встречи и полевых обследований территории заказников и было решено создать так называемый «научный сектор», а мне было предложено в Дружине возглавить эту работу. Можно сказать – «комсомольское поручение», хотя вся наша комсомольская работа на Биофаке в то время делилась на «дружинную» и «агитбригадовскую», что, в общем-то, было не так уж и плохо.

Поездки по заказникам, в том числе с привлечением «недружинных» студентов с полевых кафедр, дали свои плоды. Мы собрали данные, позволяющие показать абсолютно формальный подход к созданию первых заказников под Москвой. Нигде не было оповещения местного населения, не было аншлагов. Почти везде активно хозяйничали браконьеры – на берегах озера Киёво пасся скот, и уничтожалась колония чаек, в верховьях Клязьмы хозяйничали военные, на озере Глубоком, несмотря на действующий там научный стационар Института морфологии и эволюции животных АН СССР, шел лов рыбы сетями. Обо всем этом мы рассказали на одном из заседаний ВООПа.

Но этого показалось мало. Одержимые идеей что-то сделать для науки, и соединить науку и охрану природы, зимой 1968/1969 годов было решено, что Дружина организует первую летнюю научную экспедицию и посвятит ее исследованиям влияния рекреации и туризма на подмосковные леса. Сразу скажу, что все это происходило под влиянием книги Давида Львовича Арманда «Нам и внукам». Выбор пал на рекреационные леса Клязьминского водохранилища около д. Тишково. Предварительно было договорено, что жить будет можно в доме лесничества, располагаемом недалеко на полуострове между заливами рек Вязь и Какотка. Сразу после летней практики в Чашниково я, как выбранный завхоз экспедиции и один из организаторов по просьбе руководителя экспедиции Николая Марфенина занялся закупкой продуктов и сбором людей.

Прошло столько лет, но память хранит наши с Петей Меланхолиным трансекты и площадки, на которых мы считали потери растительного покрова при разных нагрузках со стороны отдыхающих. В процессе работы тогда было реализовано много интересных идей в отношении устойчивости молодых и зрелых лесов к вытаптыванию, необходимости создания определенной инфраструктуры прибрежного отдыха, позволяющей сохранить дикую природу. Активным участником экспедиции был и Сережа Багоцкий. Работали мы много, кормились, как сейчас помню только на 69 копеек в день, поэтому среди дополнительных объектов питания фигурировали и грибы и рыба, которая вылавливалась здесь же в водохранилище. Работы эти были продолжены уже совместно с Институтом географии РАН – с полевым отрядом отдела физической географии, которым руководили Н.С. Казанская и Ю.А. Веденин.

Вот несколько, на мой взгляд, важных исторических штрихов в жизни первого десятилетия Дружины по охране природы, сыгравших роль и в моей судьбе. Да, это была одна из сторон комсомольской работы. Да за нее отчитывались на комитете комсомола, и на парткоме Биофака. Но никакой заорганизованности, никакой «надрывной идеологии» не было ... Только природоохранная. Большое счастье, что у Биофака была и есть такая Дружина. Она соединяла неравнодушных людей, она становилась для многих естественным приложением знаний, которые они получали на лекциях и семинарах. Практическим приложением. Это было честное искреннее побуждение людей защитить природу. Абсолютно волотёрское. Даже где-то бойскаутское и тимуровское, т.е. «по первому зову», «на защиту слабого ...». Но в то же время это была не игра. Достаточно посмотреть подборку публикаций в газетах и журналах тех лет. Про нас писали, с нами ездили на выезды, нас приглашали на радио.

И еще, конечно же, надо вспоминать чаще В.Н. Тихомирова и К.Н. Благосклонова. Да еще К.М. Эфрона («Кота», племянника С. Эфрона; так его звали в семье Марины Цветаевой, так его называли за глаза и мы) и С.Н. Дороватовского (тогдашнего руководителя секции охраны природы МОИПа). Были они нашими покровителями и в некоторых случаях идеологами в Московском обществе испытателей природы во всем, что касалось практики охраны природы. На первых этапах становления Дружины они активно помогали, что называется, патронировали. Как-то не принято об этом говорить, но они тоже содействовали тому, чтобы Дружина была. Это я могу говорить со всей очевидностью, т.к. с самых первых своих шагов в кружке при МОИП не только знал о Дружине, но и помню заседания секции охраны природы МОИП, на которых обсуждались организационные вопросы Дружины.

Недавно меня попросили написать краткий очерк о К.Н. Благосклонове для Московской энциклопедии. Конечно, одной странички мало, чтобы рассказать об этом замечательном человеке. Еще ждет своего часа и места рассказ о В.Н. Тихомирове – живы его однокурсники и друзья. Живы мы – дружинники 1960-х годов, для которых он сделал очень много. Где-то в 1995 году я приехал к нему с каким-то делом по работе, и он подарил мне свою небольшую книгу стихов «Звенящие ландыши. Второе призвание». На следующий год я отдал ему свою книгу стихов «Полевые дневники». Когда я передавал книгу, я сказал Вадиму Николаевичу, что у меня с давних времен есть стихотворение, посвященное ему. Сразу скажу, что оно ему понравилось, и только из-за этого положительного отзыва я его включил в следующий сборник стихов. Вот оно – память о В.Н. Тихомирове, чье имя носит наша Дружина.

С моим старшим другом Борей Гончаровым встречаясь в наши дни мы иногда вспоминаем далекие дружинные времена, людей, тот дух, который вел на добрые дела. Вот и в 2022 году, поздравляясь, вспомнили и Сашу Агаджаняна и Мишу Черняховского. Дружина в судьбе многих была чем-то большим, чем просто общественная работа. А вот чем, только сейчас понимаешь, когда ото всюду слышны призывы о добровольцах, волонтерах ... А тогда это было вполне естественным: природу надо защищать? Вступай в Дружину и защищай!

Он знает имена растений

В.Н. Тихомирову

В лесу всегда слегка растерян,
Как будто что-то потерял ...
Он ищет имена растений
В Зеленой книге бытия.

Там папоротников нетаёжность,
Там золотые плауны,
Хвоцей ажурных ненадежность
И в орхидеях цвет Луны.

Там злаков рыхлые колосья,
Ковры, прилечь зовущих мхов,
И птиц смешных многоголосье
И паутинки пауков.

Он видит гари возрожденье
И умиранье в гнили пня.
Готов зреть нить происхожденья
В бутоне сумрачного дня.

Он верит в смысл многообразья,
В незыблемость еловых сфер.
И хочет сам приблизить праздник
Среди волнующих химер.

Ему понять совсем немного
Осталось в замысле светил.

...Но имена у трав - от Бога.
Бог - дал, Бог - взял и Бог - простил.
1990